

Макс Вальвор

Завтрак в 5:30

Макс Вальвор

Завтрак в 5:30

<https://litres.ru/74649292>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятеро членов семьи отправляются за грибами в глухую тайгу. Василий Петрович обещает места, где грибов полно и куда не заглядывают чужие. Но машина глохнет среди леса, где не слышно ни птиц, ни ветра, а на земле обнаруживается старый люк. Из-под земли тянет теплом и запахом свежих щей.

Внизу — заброшенный бункер 1937 года. Здесь горят лампы, часы замерли на 5:30, а время не движется. Чем дальше семья углубляется в бетонные коридоры, тем яснее понимает: они здесь не одни. Тени не совпадают с движениями, голоса обсуждают их поимку, а на дверях проступают следы чужой жизни — будто война и страх никуда не ушли.

Чтобы выбраться, им придётся не только найти выход, но и понять, что именно законсервировал Проект 215 — и кого бункер уже выбрал своей частью.

Психологический хоррор о замкнутом пространстве, остановившемся времени и цене, которую платят за попытку вернуться домой.

Содержание

ЗАВТРАК В 5:30	4
Глава 1. СБОРЫ И ДОРОГА	4
Глава 2. ТИШИНА	19
Глава 3. ЛЮК	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Завтрак в 5:30

ЗАВТРАК В 5:30

Глава 1. СБОРЫ И ДОРОГА

Буханка стояла во дворе распахнутая — обе задние дверцы откинuty, внутри пахло бензином, старой обивкой и прошлогодней листвой, которую забыли вычистить еще с осени. Сергей перекидывал корзины в заднюю часть, за второй ряд сидений, укладывая их плотно, чтобы не гремели в дороге. Катя ходила вокруг машины, пересчитывая вслух.

— Аптечка, фонари, спички в гермоупаковке, ножи, соль, вода, термос...

— Все взяли, — сказал Сергей, не оборачиваясь. Он стоял на коленях в грузовом отсеке, утрамбовывая вещи так, чтобы осталось место для корзин с грибами на обратном пути. В этом была вся разница между ними: она готовилась к катастрофе, он — к обычной поездке.

— Дождевики?

— Взяли.

— Запасные батарейки?

— Кать.

Она замолчала, но через минуту снова открыла дверцу и переложила аптечку поближе к краю. Сергей посмотрел на нее, покачал головой, но ничего не сказал. Он давно перестал спорить с ее тревогой. Бесполезно. Если что-то должно было случиться, она чувствовала это за три дня. Сейчас, кажется, не чувствовала — просто собиралась по привычке, перестраховывалась, как всегда.

Из дома вышел Илья, таща на плече рюкзак, из которого торчал спальник. Он закинул его в машину, поверх корзин, оперся руками о борт.

— Главное, в лесу не разделяться, — сказал он с серьезным лицом. — Там, где кончается асфальт, начинается зона. Сергей бросил на него короткий взгляд.

— Закрой рот.

— Я серьезно, — Илья прижал руку к груди, изображая обиду. — По всем канонам жанра, если мы разделимся, начнут пропадать люди. Сначала самый молодой и красивый, потом...

— Илья, — Катя тронула его за плечо, улыбнулась, но тревога в ее глазах дрогнула. — Прекрати.

— Ладно-ладно. Я просто к тому, что у нас есть шанс переписать сценарий.

Сергей захлопнул задние дверцы. Звук получился тяжелым, металлическим, эхом ударил по двору.

— Сценарий у нас один, — сказал он. — Приехали, собрали грибы, уехали. Без приключений.

— Скучно живешь, брат.

— Нормально живу.

Илья хотел что-то ответить, но в этот момент из дома вышла Лена. Она появилась на крыльце с видом человека, который опаздывает, но делает вид, что все идет по плану. В одной руке термос, в другой — свой неизменный рюкзак, аккуратный, с застежками-молниями, не то, что Ильин мешок.

— Вы без меня даже грибы не найдете, — объявила она, спускаясь по ступенькам. — И машину поставите не в ту сторону, и в лес зайдете не с того края.

— Лен, мы уже третий год ездим, — сказал Сергей.

— И каждый раз я вас выручаю.

Она сунула термос в щель между корзинами, оглядела грузовой отсек хозяйским взглядом, поправила аптечку — ту самую, которую Катя уже перекладывала — и удовлетворенно кивнула. Катя переглянулась с Сергеем. Тот едва заметно пожал плечами: не обращай внимания.

Лена всегда так. Командует, потому что старшая сестра. Привычка, оставшаяся с детства, когда Катя была маленькой, а Лена — уже в пятом классе и знала, как правильно заваривать чай, как завязывать шнурки и по какой тропинке ходить за земляникой. С годами это никуда не делось, просто перешло на новый уровень. Катя давно смирилась. Иногда даже нравилось, что есть кому взять на себя организацию.

Из дома вышел Василий Петрович.

Он появился бесшумно, как это умеют старые охотники

— не хлопнула дверь, не скрипнула ступенька. Просто вдруг оказался на крыльце, застегивая на ходу старый бушлат, потертый на локтях, но еще крепкий. На ногах — кирзачи, разношенные, мягкие. В руках — выдавший виды компас на кожаном шнурке.

Он остановился на верхней ступеньке, оглядел небо. Солнце уже поднялось, но свет был какой-то нерешительный, будто день еще не решил, каким ему быть. Василий Петрович прищурился, повел носом — уловил запах утренней прохлады, сырой земли, бензина от машины.

— Батя, — Сергей подошел ближе. — Куда едем?

Василий Петрович не ответил сразу. Он спустился с крыльца, прошел к ветровому стеклу, достал из внутреннего кармана карту. Старую, советскую, еще с коричневыми пятнами на сгибах. Развернул прямо на стекле, придержал ладонью, чтобы не свернулась.

Все подошли ближе. Илья заглянул через плечо отца, Катя встала сбоку, Лена скрестила руки на груди и смотрела с видом эксперта, которому пока нечего добавить.

— Вот сюда, — Василий Петрович провел пальцем по карте. — Там грибные места. Я туда давно не заезжал.

— А когда ты там был, батя? — спросил Илья.

— Лет пятнадцать назад. Может, больше.

— И вы помните дорогу, Василий Петрович? — спросила Лена.

Он поднял голову, усмехнулся в усы. Усы у него были се-

дые, густые, и когда он улыбался, они шевелились как-то по-своему, отдельно от лица.

— Лес не город, Лена, — сказал он. — Город через год не узнаешь, а лес всю жизнь помнишь. Дороги там не меняются.

Он сложил карту, убрал во внутренний карман. Компас повесил на шею, поправил под бушлатом, чтобы не болтался.

— Ну что, поехали, — сказал Сергей, открывая водительскую дверь.

— Погоди, — Василий Петрович кивнул на пассажирское сиденье. — Я спереди сяду. Дорогу показывать.

Сергей кивнул. Лена уже забиралась на заднее сиденье, усаживаясь посередине — так, чтобы видеть дорогу вперед и командовать по всем направлениям сразу. Илья плюхнулся слева от нее, прижавшись плечом к стеклу. Катя села справа, рядом с сестрой.

Василий Петрович занял переднее пассажирское, положил руки на колени. Сергей повернул ключ зажигания. Двигатель чихнул, закашлялся, потом взял ровно.

Машина выехала со двора, и двор остался позади — с его покосившимся забором, старой бочкой для дождевой воды, яблоней, которая каждую осень ломилась от плодов, но в этом году стояла пустая. Катя посмотрела на нее через заднее стекло и почему-то подумала, что это плохая примета. Но вслух не сказала.

Грунтовка потянулась от поселка сразу, как только кон-

чился асфальт — ровно через три километра после моста через речку. Сергей сбросил скорость, машина зашуршала колесами по сухой земле, из-под днища потянуло дорожной пылью. Василий Петрович сидел с правой руки, положив левую на карман с картой, и смотрел вперед на лес, который надвигался с обеих сторон.

— На развилке влево, — сказал он, когда впереди показалась расщелина между соснами.

Сергей кивнул, не отвлекаясь от руля. Развилка оказалась через минуту — две колеи, одна уходила правее, в низину, вторая левее, в горку. Он свернул на левую, и буханка, натужно рыкнув, полезла вверх.

В салоне было тесно. Катя сидела справа, у боковой двери, и смотрела в окно на лес, который то отступал от дороги, то сходил в плотную. Лена расположилась посередине и поглядывала вперед через лобовое стекло с видом человека, который оценивает местность на предмет грибных мест, хотя пока вокруг был только сосняк да папоротник. Илья слева откинулся на стенку, вытянул ноги в проход — насколько это вообще было возможно в буханке, — и травил байки про свою студенческую практику.

— ...и он выходит из кустов, представляете, с красным лицом, в одной кроссовке, и говорит: «Ребята, там медведь». А мы ему: «А где кроссовка?» А он: «Так медведь и утащил».

— И что, правда утащил? — спросила Катя.

— Неправда. Он сам ее в болоте утопил, пока от комаров

убегал. Но медведь был. На следующий день егерь показал следы.

Лена фыркнула.

— Это ты к чему? К тому, что мы сейчас в лесу, а ты без спасателей?

— Я к тому, что в тайге всякое бывает, — Илья приподнял бровь. — Но мы, слава богу, не на практике. У нас батя с нами.

Он кивнул на Василия Петровича. Тот не обернулся, но в зеркале заднего вида было видно, как шевельнулись его усы — то ли улыбнулся, то ли просто повел носом.

Сергей включил печку. Буханка грелась долго, и сейчас из дефлекторов потянуло теплом, смешанным с запахом горячей пыли и бензина. Катя поежилась, хотя в машине уже стало тепло. Ей всегда было зябко по утрам, даже в августе.

— Сереж, — сказала она. — Печку не выключай, я замерзла.

— Она и так работает.

— Я знаю. Просто напоминаю.

Лена покосилась на сестру, но ничего не сказала. Она знала эту Катину манеру — проговаривать вслух то, что и так очевидно. Способ успокоиться. Раньше, когда они были маленькими, Катя перед контрольной перечисляла вслух все правила, которые выучила, хотя помнила их наизусть. Сейчас она перечисляла вещи, которые уже лежали в машине, или напоминала о том, что и так сделано. Лена привыкла.

Иногда это раздражало, но сегодня — нет. Сегодня лес за окнами был какой-то слишком плотный, слишком темный даже под солнцем, и Лена сама чувствовала легкое беспокойство, которое не хотела признавать.

— А чего мы вообще туда едем? — спросил Илья, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ну, в смысле, я понимаю, грибы. Но почему именно туда? Там же глушь, дороги никакой.

— Место хорошее, — ответил Василий Петрович, не обращаясь. — Я туда раньше ездил. Грибов полно. Никто не знает.

— А почему никто не знает?

— Потому что я не говорил.

Илья хмыкнул.

— Батя, у тебя везде секретные места.

— Не секретные. Просто тихие.

Катя поймала себя на мысли, что Василий Петрович говорит о лесе так, будто тот живой. Не метафора — просто факт. Лес помнит, лес знает, лес молчит. Она слышала это от него не в первый раз и раньше не придавала значения. Старый охотник, что с него взять. Но сейчас, в этой машине, под гул мотора и шорох колес по грунтовке, его слова звучали иначе.

Она посмотрела в окно. Сосны стояли плотно, стволы уходили вверх, к небу, которое просвечивало сквозь кроны редкими пятнами. Между деревьями — папоротник, выше пояса, и сухая прошлогодняя трава. Ни одного просвета. Лес

как стена.

Катя перевела взгляд вперед, на дорогу. Грунтовка петляла между деревьями, колеи глубокие, накатанные — видно, что здесь ездили, хоть и редко. Сергей вел машину уверенно, объезжая ямы, не сбавляя скорости там, где можно проскочить. Он всегда хорошо водил. Катя знала, что может положиться на него за рулем, и это было едва ли не единственное, в чем она не сомневалась.

— А птиц не видно, — сказала она вдруг.

Слова вырвались сами. Она и не думала об этом — просто в какой-то момент поняла, что уже давно смотрит в окно, а за стеклом ничего не происходит. Ни одна птица не пролетела, ни одна мошка не разбилась о ветровое стекло. Даже ворон, которые обычно висят над любой лесной дорогой, тут не было.

Все посмотрели в окна.

Сосны стояли плотно, стволы уходили вверх, к небу, которое просвечивало сквозь кроны редкими пятнами. Между деревьями — папоротник, выше пояса, и сухая прошлогодняя трава. Ни движения. Ни тени в глубине. Ничего.

— И правда, — сказала Лена негромко. — Я думала, показалось.

— Что показалось? — Илья повернулся к ней.

— Что лес пустой.

— Ну, лес и есть пустой. Это тайга, тут людей нет.

— Я не про людей, — Лена не стала объяснять. Просто

смотрела вперед, и лицо у нее было спокойное, но губы сжаты плотнее обычного.

Сергей скосил глаза на зеркало заднего вида, потом снова на дорогу.

— Глухомань, — сказал он. — Далеко от поселка. Зверь не ходит днем. Птицы тоже.

— Птицы все разом не отдыхают, Сергей, — возразил Илья. Голос у него был спокойный, но нотка, которой не было минуту назад, в нем уже появилась. — И днем они не молчат. Это не городской парк.

— Может, и не молчат, — Сергей не стал спорить. — Ты их слышишь?

Илья прислушался. Двигатель гудел ровно, чуть надрывно на подъемах. Печка шуршала теплом из дефлекторов. Шины хрустели по грунтовке. Раздатка подвывала на поворотах.

— Не слышу, — сказал он. — Но я и не должен.

— Вот именно.

Илья хотел что-то добавить, но передумал. Сложил руки на груди и стал смотреть в окно — так же, как остальные.

Катя переглянулась с Леной. Та чуть заметно пожала плечами — не нагнетает, но напряжение чувствует. Они понимали друг друга без слов, как это бывает между сестрами, которые выросли вместе.

Василий Петрович молчал. Он смотрел в окно, и Катя видела его лицо в профиль — жесткое, скуластое, с глубокими морщинами от крыльев носа к углам рта. Он не оборачивал-

ся, не комментировал. Просто смотрел. И Кате показалось, что смотрит он не в лес вообще, а куда-то в одно место — между двух сосен, мимо которых они проезжали.

— Батя, — позвал Илья. — Ты чего?

— Ничего, — Василий Петрович отвернулся от окна. — Смотрю.

— А грибы-то будут?

— Будут.

Он ответил не сразу. Сделал паузу. На секунду, на две. Может, показалось.

— Ну вот, — Илья хлопнул ладонью по колену, разрушая тишину. — А вы накручиваете. Лес как лес, тихо, спокойно. Отдохнем от города.

— Тишина есть, — сказала Лена сухо. — Это не обсуждение, это наблюдение.

— Ну и что? Лес есть лес. Всякое бывает.

— Бывает, — согласился Василий Петрович.

Он произнес это так, что разговор сам собой иссяк. Не потому, что сказал что-то страшное или важное. Просто в его голосе появилась та интонация, которая не предполагала продолжения. Старший сказал. Остальные замолчали.

Сергей вел машину дальше. Грунтовка шла то в горку, то под уклон, огибала валуны, поросшие мхом, ныряла в низины, где колеи заполнялись прошлогодней листвой. Лес за окнами не менялся — сосны, папоротник, редкие березы с белой корой, которая светилась в полумраке. Но теперь Катя

смотрела иначе. Она искала движение. И не находила.

Ни белки по стволу. Ни бабочки над травой. Ни ряби на воде в колее, хотя ветра вроде бы не было — а может, и был, в салоне все равно не слышно. Один раз ей показалось, что между деревьями что-то мелькнуло, и она подалась вперед, вглядываясь. Ничего. Просто тень от ствола легла под другим углом.

Она откинулась на спинку и больше в окно не смотрела.

Василий Петрович выпрямился на сиденье, вглядываясь вперед.

— Теперь прямо, — сказал он. — Километра три. Дорога упрется в лесовозный ус. Там и остановимся.

Сергей кивнул.

Катя посмотрела на часы на приборной панели. Они ехали уже сорок минут. За это время не встретили ни одной машины, ни одного человека. Только лес, дорога и они.

Сергей сбавил скорость перед очередным поворотом, и в этот момент из-за деревьев показался просвет. Дорога расширялась, колеи разъезжались в стороны, упираясь в старую лесовозную площадку — ровное место, заросшее травой, где когда-то разворачивались грузовики с лесом.

— Приехали, — сказал Василий Петрович.

Сергей заглушил двигатель

Печка еще секунду гудела, дотягивая остатками тепла, потом смолкла. Шины перестали хрустеть. И только тогда стало слышно, что не слышно ничего.

Ни птиц. Ни ветра в кронах. Ни комаров. Ни далекого стука дятла. Только собственное дыхание — и тонкий звон в ушах после дороги, от которого в первый момент закладывает перепонки.

Илья открыл рот, чтобы что-то сказать, но не стал. Просто сидел и слушал, как остальные.

Катя слышала, как Сергей медленно выдохнул через нос. Слышала, как Лена рядом с ней переложила руки, и ткань куртки шевельнулась. Слышала, как Василий Петрович — не глядя — поправил компас на шее, хотя тот и так висел ровно.

За окнами стоял лес. И лес молчал так, как будто они только что приехали к нему в гости — и он их ждал.

Василий Петрович открыл дверь первым, выбрался из машины и замер, оглядывая площадку. Катя отодвинула боковую дверь, прыгнула на траву. Ноги затекли, она сделала несколько шагов, разминая колени, и только потом огляделась. Площадка была ровной, заросшей по пояс кипреем и жесткой травой, название которой она не знала. По краям — сосны, старые, в два обхвата, с корой, покрытой лишайником. Между ними — папоротник, выше человеческого роста. Солнце стояло высоко, но сюда, на площадку, оно доставало не полностью — кроны смыкались над головой, оставляя только лоскуты неба.

Лена вышла следом, поправила рюкзак на плече, огляделась деловито.

— Глухомань, — сказала она. — Но место красивое.

Сергей обошел машину, открыл задние дверцы.

— Батя, машину здесь оставляем?

Василий Петрович не ответил сразу. Он стоял, повернувшись лицом к лесу, и смотрел куда-то в глубину, между стволами.

— Здесь, — сказал он наконец. — Рюкзаки оставляем. Корзины берем.

Илья вылез из машины последним, потянулся, хрустнув позвоночником.

— Красиво, — сказал он, оглядываясь. — Жутковато, но красиво.

— А чего жутковато? — спросила Катя.

— Ну, тихо. И лес темный. Как в фильмах про ведьм.

Лена фыркнула.

— Илюш, перестань. Мы по грибы приехали, а не в хоррор играть.

— А я что? Я просто говорю.

Сергей достал из машины корзины, начал раздавать.

— Батя, куда идем?

Василий Петрович последний раз глянул на компас, спрятал под бушлат. Окинул взглядом опушку, потом перевел глаза на лес.

— Расходимся веером, — сказал он. — Илья, держись слева. Катя — между мной и Ильей. Лена — справа. Сергей — справа с краю, прикрываешь.

— Почему это я с краю? — возмутился Илья.

— Потому что ты самый шумный. Будешь грибы пугать.

Лена усмехнулась. Илья хотел возразить, но Сергей положил руку ему на плечо.

— Иди уже, Илюха.

— Я и так герой, — буркнул Илья, но послушно двинулся влево, обходя заросли папоротника.

Катя пошла вправо. Она оглянулась через плечо — Сергей стоял у машины, поправлял ремень. Он поймал ее взгляд, кивнул.

— Не уходи далеко, — сказал он.

— Я знаю.

Она шагнула в лес, и трава сомкнулась за ней. Сосны стояли часто, между ними — папоротник, мох, валежник. Солнце пробивалось сквозь кроны, и на земле лежали пятна света — теплые, золотистые. Красиво. Но тишина висела плотная, неестественная. Катя остро чувствовала это — стоять в лесу в середине августа и не слышать ничего, кроме собственного дыхания было не по себе.

Она пошла дальше, вглядываясь в землю. Грибов пока не было.

Глава 2. ТИШИНА

Илья сразу ушел дальше всех. Он любил быстрые переходы, не выносил медленного обшаривания поляны — ему казалось, что грибы надо прочесывать ходом, а не стоять над каждым кустом. Через десять минут он был уже метрах в пятидесяти от машины, и корзина его оставалась пустой.

— Да чтоб тебя, — бормотал он, пиная валежник. — Где они тут?

Ни подберезовиков, ни сыроежек, ни даже дурацких лисичек. Только мох, хвоя и папоротник, который лез со всех сторон, закрывая землю. Илья продирался сквозь него, злой и нетерпеливый.

— Илюха! — донеслось справа. Голос Сергея, спокойный, чуть насмешливый. — Не топай, как лось. Распугаешь.

— А чего их пугать, если их нет? — крикнул Илья в ответ, но шаг замедлил.

Сергей на правом краю двигался размеренно. Он не гнался за количеством, просто шел, осматривал землю, срезал то, что попадалось. Грибов ему встречалось немного — пара подберезовиков, один подосиновик с красной шляпкой, — но он не расстраивался. Сергей вообще редко расстраивался из-за ерунды. Он поглядывал влево, между стволами, где иногда мелькала фигура Лены — она держалась правее цен-

тра, не отставая от Василия Петровича, — и дальше, за ней, темный силуэт отца.

Василий Петрович шел в центре. Не быстро, не медленно — с той спокойной уверенностью, которая дается десятилетиями в лесу. Он не оглядывался, не окликал остальных, только иногда бросал взгляд на компас и чуть корректировал направление. Лена держалась за ним, но с интервалом — не лезла под ноги, не отвлекала вопросами. Только один раз не выдержала:

— Василий Петрович, а вы точно помните это место? Грибов что-то не видно.

— Будут, — ответил он, не оборачиваясь. — Иди спокойно.

Лена замолчала. Она знала, что с ним лучше не спорить.

Катя шла между Ильей и свекром. Ей не нравилось, что она одна — пусть и в пределах видимости, — но она старалась не думать об этом. Она сосредоточилась на поиске, и это помогло. Первый подберезовик она нашла под старой сосной, где мох был мягким и влажным. Второй — у корней поваленного дерева. Третий — просто в траве, на первый взгляд чистой, но стоило приглядеться — и шляпка выглянула из-под листа.

Грибы здесь были. Катя нарезала их один за другим, и постепенно тишина перестала казаться ей зловещей. Лес просто лес. Тихо — значит, нет зверья. Она почти убедила себя в этом.

Где-то слева хрустнула ветка — Илья, наверное. Катя подняла голову, прислушалась. Потом снова нагнулась к земле.

Примерно через час Василий Петрович свистнул — условный сигнал. Все остановились. Он поднял руку, показывая: меняем направление. Теперь чуть правее, туда, где лес редел, и между стволами проглядывало небо.

Катя выпрямилась, разминая спину. Корзина ее наполнилась уже на треть. Неплохо.

— Как у вас? — крикнул Илья.

— Нормально, — ответил Сергей. — У тебя?

— Да пусто пока. Но я свое найду.

Василий Петрович тронулся с места, и все снова двинулись за ним.

Смена направления принесла результат. Василий Петрович вывел их в низину, где между соснами стояли старые березы, а земля была покрыта мягким мхом. Здесь грибов оказалось больше — подберезовики лезли из-под каждого куста, сыроежки розовели на кочках, и даже Илья наконец перестал ворчать.

— О, маслята! — донеслось слева. — Серый, я нашел маслята!

— Молодец, — отозвался Сергей. — Не ори только.

Илья и не думал орать — он просто обрадовался. Маслята шли густо, целыми выводками, и за полчаса он набрал почти полную корзину. Теперь можно было идти спокойно, не

дергаясь.

Сергей двигался размеренно. Грибов здесь было достаточно, но он не гнался за каждым, брал только крупные, крепкие.

Василий Петрович вел группу неспешно, иногда останавливался, оглядывался, проверял, не растянулись ли. У него корзина уже полнела — грузди, которых он искал в этой низине, попадались один за другим. Лена шла правее него, набирала свое, но время от времени поглядывала на него — не потому, что боялась отстать, а потому, что он казался ей странным сегодня. Не то чтобы хмурым — Василий Петрович всегда был немногословен, — но в его движениях чувствовалось что-то, чего Лена не умела назвать.

— Василий Петрович, — сказала она, когда они остановились передохнуть. — А что там, дальше? — она кивнула в глубину леса, куда они не пошли.

Василий Петрович поднял голову, посмотрел туда, куда она показывала. Лес там стоял гуще, сосны смыкались плотнее, и света между ними было меньше.

— Ничего, — сказал он. — Лес.

Он спрятал компас под бушлат и двинулся дальше. Лена пошла за ним, но теперь она знала: он смотрел туда не просто так.

Катя шла между Ильей и Василием Петровичем. Ей нравилась эта низина — мягкий мох, редкие березы, воздух, который казался здесь влажным и прохладным. Грибы попада-

лись на каждом шагу, и она уже перестала считать, просто срезала и складывала в корзину.

— Кать, у тебя как? — крикнул слева Илья.

— Полная почти, — ответила она.

— А у меня — во! — он поднял корзину, показывая.

Катя улыбнулась, хотя он вряд ли видел — между ними были деревья. Она пошла дальше, нагибаясь за очередным подберезовиком, и в этот момент заметила, что Василий Петрович остановился. Он стоял впереди, метрах в двадцати, и смотрел не под ноги, а куда-то вглубь леса.

Катя замерла, прислушиваясь. Тишина. Та же самая тишина, которая была с самого утра, — ни птиц, ни ветра, ни треска сучьев.

— Василий Петрович? — позвала она негромко.

Он не ответил сразу. Стоял неподвижно, и Кате показалось, что он прислушивается к чему-то, чего она не слышит.

— Батя? — окликнул его справа Сергей.

Василий Петрович повернулся. Лицо у него было спокойное, обычное.

— Ничего, — сказал он. — Показалось.

Он двинулся дальше, но теперь Катя смотрела на него иначе. Она видела, как он идет — ровно, уверенно, но что-то в его спине, в том, как он держит плечи, говорило о том, что «показалось» ему не просто так.

Лена тоже заметила. Она переглянулась с Катей — та чуть заметно пожала плечами. Лена хотела что-то сказать, но не

стала.

Они прошли еще минут двадцать. Грибы кончились так же внезапно, как и начались, — мох сменился сухой хвоей, березы расступились, и снова потянулись одни сосны. Василий Петрович остановился, огляделся.

— Хватит, — сказал он. — Собираемся.

Он свистнул — два коротких, один длинный. Сигнал к возвращению.

Собираться долго не пришлось — все были в пределах голоса. Илья вышел из-за деревьев первым, корзина его заметно потяжелела. За ним показалась Катя, потом Сергей. Лена уже стояла рядом с Василием Петровичем, когда он подал сигнал.

— Ну, как вы там? — спросил Илья, подходя.

— Нормально, — ответил Сергей. — У тебя вон сколько.

— Ага. Место хорошее.

Василий Петрович оглядел всех, убедился, что никого не потеряли, и кивнул в сторону машины.

— Пошли.

Дорогу назад он выбрал другую — не ту, которой заходили, а напрямик, через редколесье. Так короче. Шли все вместе, не растягиваясь, корзины несли в руках, изредка перебрасываясь короткими фразами. Илья хвастался маслятами, Лена рассказывала Кате, какие грузди нашла, Сергей молчал, поглядывая по сторонам. Василий Петрович шел впереди, уверенно ведя их между соснами.

Сумерки сгущались. Катя подняла голову — небо затянуло тучами, солнца не было видно, и свет стал серым, приглушенным. Она посмотрела на часы — половина одиннадцатого.

— Странно, — сказала она.

— Что? — спросил Сергей.

— Темно. Должно быть светло.

Сергей тоже глянул на небо.

— Погода портится, — сказал он. — Бывает.

— Но ведь только утро было.

— Лес есть лес.

Василий Петрович ничего не сказал. Он шел впереди, не оборачиваясь.

Через десять минут они вышли на площадку. Буханка стояла на том же месте, серая в сумеречном свете. Катя поставила корзину на землю, выпрямилась, разминая спину. У всех корзины были полные — даже у Ильи, который еще утром жаловался на пустоту.

Она огляделась. Небо висело низкое, тяжелое, но дождя не было. Тишина стояла та же — плотная, неестественная.

— Грузитесь, — сказал Василий Петрович. — Едем.

Сергей завел двигатель с пол-оборота — буханка рыкнула и взяла ровно. Он включил фары, и в их свете лес выступил из сумерек — стволы, папоротник, колеи, уходящие в темноту. Лена уже сидела на своем месте посередине, Илья

слева, Катя справа у двери. Василий Петрович забрался на переднее пассажирское, молча пристегнулся.

— Поехали, — сказал Сергей и тронулся.

Грунтовка была та же, по которой они приехали, — две колеи, между ними высокая трава. Сергей вел машину уверенно, не сбавляя скорости на знакомых участках, но фары выхватывали только ближние деревья — дальше свет тонул в серой мгле. Катя смотрела на часы. Половина одиннадцатого. Должно быть яркое утро, а за окнами — глухие сумерки.

— Давно я такого не видел, — сказал Илья, глядя в боковое окно. — Чтобы в лесу в одиннадцать утра темно было.

— Тучи, — коротко бросил Сергей.

— Обычные тучи такого эффекта не дают. Это ж почти ночь.

— Илья, хватит, — сказала Лена. — Не накручивай.

— Я не накручиваю. Я просто говорю.

Он замолчал, но напряжение в салоне осталось. Катя чувствовала, как Лена сидит неестественно прямо, сцепив руки на коленях. Она и сама чувствовала то же самое — смутную тревогу, которая не имела причины, но не проходила.

Минут через десять езды двигатель начал работать неровно. Сначала это было едва заметно — легкое дрожание, которое передавалось через сиденье, потом падение оборотов. Сергей нажал на газ, но буханка не отозвалась — дернулась, чихнула и заглохла.

Тишина ударила в уши. Ни мотора, ни ветра, ни звуков

леса.

— Что случилось? — спросила Катя.

Сергей не ответил. Он повернул ключ — стартер крутанул бодро, но двигатель не схватил. Еще раз. Та же картина.

— Бензин, — сказал он сквозь зубы. — Кончился.

— Как кончился? — Лена подалась вперед. — Ты что, не заправился?

— Заправился. Вчера залил полный.

— Значит, не полный, — голос Лены стал жестче. — Сереж, мы в тайге, надо было проверять.

— Я проверил. Стрелка на полном была.

— Мало ли что стрелка. У буханки бензобак — сорок литров. Куда они делись?

— Не знаю, — Сергей с силой ударил ладонью по рулю. — Но я заливал. Сам. До горла.

Василий Петрович молчал. Он сидел неподвижно, глядя через лобовое стекло в серую мглу, которую выхватывали фары. Катя смотрела на него, ждала, что он скажет.

— Василий Петрович, — позвала она. — Что делать?

Он открыл дверь, вышел из машины. Все замерли, глядя, как он обходит буханку, наклоняется к бензобаку. Потом выпрямился, постучал костяшками пальцев по стеклу водительской двери. Сергей опустил стекло.

— Дай шнурок или веревку, — сказал Василий Петрович. — Тонкую.

Сергей полез в бардачок, нашел моток капронового шну-

ра, отмотал кусок. Протянул отцу. Тот открыл крышку бензобака, опустил шнурок внутрь, подождал секунду, вытащил.

Шнурок был сухой.

Василий Петрович показал его Сергею. Тот смотрел на сухую веревку, потом отвернулся к окну.

— Не может быть, — сказал он глухо. — Я же заливал.

— Сереж, — Катя положила руку ему на плечо. — Не сейчас.

Василий Петрович закрутил крышку, обошел машину, сел на свое место. Закрыл дверь.

В салоне было тихо. Илья смотрел на отца, потом на брата.

— И что теперь? — спросил он.

Сергей выключил фары, чтобы не посадить аккумулятор. В салоне осталась только подсветка приборов — тусклый зеленоватый свет, в котором лица казались бледными, чужими.

— Ждать смысла нет, — сказал Василий Петрович. — Бензин сам не появится.

Сергей повернулся к нему.

— Ты о чем?

— О том, что сидеть здесь — глупо. До дома километров двадцать, не больше. К вечеру дойдем.

— Пешком? — Лена округлила глаза. — Василий Петрович, у нас корзины с грибами, рюкзаки...

— Грибы оставим в машине. Рюкзаки возьмем. Воду,

спички, ножи. Легкими пойдем.

— А машина? — спросил Сергей.

— Вернемся с канистрой.

В салоне повисла тишина. Илья смотрел на отца, потом на брата. Катя перевела взгляд на часы — без четверти двенадцать. За окнами по-прежнему стояли сумерки, но глаза уже привыкли, и в сером свете можно было разглядеть стволы деревьев, траву, колеи дороги.

— Мне надо выйти, — сказал Илья неожиданно.

— Куда? — спросила Лена.

— По нужде.

Он открыл дверь, вылез из машины. Свет в салоне зажегся на секунду — тусклый, салонный, — и погас, когда дверь захлопнулась.

Илья отошел в лес. Недалеко, шагов на десять — так, чтобы видеть светлое пятно буханки в сумерках. Справился быстро, уже застегивал ширинку, когда заметил в земле что-то странное. Не яма — провал. Металлический край, присыпанный хвоей и прошлогодней листвой. Люк.

Он замер. Сердце стукнуло раз, другой.

— Ребята, — позвал он, не оборачиваясь. — Ребята, идите сюда.

Глава 3. ЛЮК

Люк был старый. Это понимали все, хотя никто не сказал ни слова. Крышка — чугунная или из другого тяжелого металла — проросла мхом, и только по краям, где Илья ободрал зеленую шубу, проступала чернота. Чернота без ржавчины, без сколов.

— Ну и что? — спросила Лена. Она стояла дальше всех, почти у кромки леса. — Что там?

— Не открывал еще, — ответил Илья. — Ждал вас.

Он стоял на коленях у крышки, пальцы лежали на массивной ручке — кустарно приваренной, грубой, не заводской. Василий Петрович подошел, присел рядом, провел ладонью по мху.

— Давно здесь лежит, — сказал он.

— А подо мхом металл чистый, — Илья отогнул край. — Смотрите.

Василий Петрович посмотрел. Металл подо мхом был гладким, темным, без единого пятнышка. Он провел пальцем по поверхности — сухо, ни капли влаги.

Сергей подошел ближе, заглянул через отцовское плечо.

— Странно, — сказал он. — Для железа, которое в земле пролежало.

— Может, его недавно поставили, — неуверенно предпо-

ложила Катя. — Лесники, геологи, мало ли.

— Лесники не ставят такие люки, — Илья поднял голову. В голосе его звучало возбуждение. — Это бункер. Военный. Или...

— Или что? — спросила Лена.

— Или НКВД.

Лена фыркнула:

— Начитался. Сидишь там в своем институте, теперь тебе везде НКВД мерещится.

— А ты откуда знаешь? — Илья встал с колен, отряхнул штаны. — В этих местах полно объектов. Строили в тридцатые, потом забрасывали. До сих пор находят.

— И что в них находят? — голос Лены стал выше.

— Всякое. — Илья пожал плечами. — Оборудование, документы, иногда горючее.

На слове «горючее» Сергей, который до этого смотрел на люк с ленивым интересом, повернул голову.

— Горючее?

— У таких объектов всегда были запасы, — Илья говорил быстро, чувствуя, что поймал внимание старшего брата. — Машины, генераторы. Если объект забросили, могли оставить. Канистры, бочки.

Сергей посмотрел на отца. Василий Петрович молчал, все так же сидя на корточках у крышки.

— Пешком нам часа четыре, — сказал Сергей. — Если по темноте — все пять. А если там внизу бензин...

— А если там внизу крысы? — перебила Лена. — И трупный яд? И радиация? Вы что, фильмов не смотрели? В такие люки лезут только идиоты, и в первой же серии...

— В первой серии идиоты разделяются, — спокойно сказала Катя и взяла сестру за руку. — А мы не разделимся.

— Катя!

— Лен, мы просто подумаем. Если есть хоть какой-то шанс, что там бензин — это лучше, чем пять часов пешком. Мы же не полезем сломя голову. Посмотрим, оценим.

Лена выдернула руку, но промолчала.

Василий Петрович поднялся. Он подошел к краю крышки, нагнулся, понюхал. Катя заметила это движение и невольно повторила его, хотя стояла в трех метрах. Запах был — слабый, едва уловимый, но странный. Не лес, не земля, не металл. Что-то горячее, наваристое.

— Щами пахнет, — сказала она.

Все обернулись к ней.

— Щами? — переспросил Илья.

— Не знаю. Может, показалось.

— Да ну, — Лена дернула плечом. — Из-под земли щами не пахнет.

— А еще из-под земли тепло не идет, — сказал Василий Петрович. — А здесь идет.

Он показал рукой на люк. Все прислушались. Лена шагнула ближе, нехотя, будто ее тянули. И правда — от щели между крышкой и землей тянуло теплом. Не паром, не сквозня-

ком — ровным, сухим теплом, как из хорошо протопленной комнаты.

— Этого не может быть, — сказала Лена, но голос у нее сел.

Сергей подошел к люку, взялся за ручку.

— Открываю.

Он потянул на себя. Крышка не поддавалась. Сергей уперся ногой в край, дернул снова. Илья подхватил с другой стороны. Вдвоем они навалились, и люк медленно, со скрежетом, пошел вверх. Лена отступила еще на шаг. Катя замерла на месте.

Из открывшегося проема пахнуло теплом. И запахом щей — теперь Катя была уверена. Горячих, свежих. Откуда-то из глубины шел слабый ровный гул.

Сергей опустил крышку на землю. Все заглянули внутрь.

Там было темно. Но темнота казалась плотной, густой — не такой, какая бывает в подвалах или колодцах. Сергей достал фонарик, щелкнул. Луч уперся в бетонную стену метрах в трех, скользнул по ней, высветил металлические скобы. Лестница уходила вниз, терялась в черноте.

— Метров десять, — прикинул Сергей. — Не больше.

— Ну что? — спросила Лена. В голосе ее слышалось напряжение. — Будем лезть?

Сергей посмотрел на отца. Василий Петрович сидел на корточках у края, вглядывался в темноту.

— Если там бензин, — сказал Сергей, — мы через час

дома.

— А если нет? — спросила Катя.

— Тогда зря потеряем время. Но хотя бы узнаем.

— Или не узнаем, — сказала Лена.

Василий Петрович поднялся. Он посмотрел на небо — серое, плотное, хотя по часам было около полудня. Потом перевел взгляд на лес. Катя проследила за ним и только сейчас заметила, что сумерки сгустились. Не просто сгустились — они стали почти черными.

— Светает? — неуверенно спросила она. — Или темнеет?

Сергей глянул на часы:

— Без десяти двенадцать. Должен быть день.

— Какой день? — Лена оглянулась. За деревьями, в проветах между стволами, не было ни света, ни теней. Только чернота. — Что происходит?

Сергей направил фонарик в лес. Луч ушел в черноту метров на пять и пропал. Не высветил ни стволов, ни веток, ни земли — просто растворился.

— Не нравится мне это, — сказал он.

Лена вцепилась в Катину руку.

— Надо идти, — голос у нее был чужой, тонкий. — Сейчас. Пока мы хоть что-то видим.

— Куда идти? — спросил Василий Петрович. — Трасса в двадцати километрах. В такой темноте мы не сделаем и ста метров.

— По веревке! Друг за другом!

— Впятером на одной веревке? — Сергей покачал головой. — Лен, мы собьемся с дороги через пять минут. Упадём в овраг, потеряем друг друга.

— А внизу мы не потеряемся? — Лена почти кричала. — Мы полезем в эту дыру, где... где тепло из-под земли и щами пахнет!

— Внизу сухо, — сказал Василий Петрович. — Тепло. Есть свет — лампы, я видел.

— Откуда вы видели? — Лена повернулась к нему. — Вы туда не спускались.

— Лампы видно отсюда, — Василий Петрович кивнул на люк. — Присмотрись.

Лена шагнула к краю, заглянула. И правда — где-то в глубине, далеко внизу, мерцал слабый желтый свет. Не луч фонарика, не отблеск — ровное, спокойное свечение.

— Лампы горят, — тихо сказала Катя. — Под землей.

— Генератор, — быстро сказал Илья. — Если есть генератор и топливо, мы можем...

— Мы можем спуститься и переждать, — перебил Василий Петрович. — Пока наверху не станет светло. Или пока не найдем бензин.

Он обвел всех взглядом. Сергей стоял, сжимая фонарик, и смотрел в люк. Илья — рядом, нетерпеливый, готовый лезть. Катя — встревоженная, но спокойная. Лена — на грани.

— Слушайте меня, — сказал он. — Сейчас у нас два варианта. Первый — идти пешком в такую темень, не видя до-

роги, и надеяться, что мы не свернем в болото и не потеряем друг друга. Второй — спуститься вниз, где сухо, тепло и есть свет, осмотреться, найти бензин или другой выход и переждать эту черноту.

— А если там опасно? — спросила Лена.

— Если будет опасно — поднимемся. — Василий Петрович посмотрел на лес. Чернота стояла вплотную, и казалось — еще шаг, и она захлестнет. — Но наверху мы уже ничего не сделаем.

Лена переводила взгляд с Кати на Сергея, с Сергея на Илью. В каждом лице она читала одно и то же.

— Я не хочу туда, — сказала она, и голос у нее был детский, жалкий.

— Я знаю, — Катя обняла ее за плечи. — Я тоже не хочу. Но выбора у нас нет.

— Выбор всегда есть, — прошептала Лена.

— Есть, — согласился Василий Петрович. — Мы можем остаться здесь. Все вместе. Сидеть у люка и ждать, пока рассветет. Если рассветет.

Лена посмотрела на небо. Там, где должно было быть небо, была чернота.

— Я не хочу здесь, — сказала она.

— Тогда решено, — сказал Василий Петрович. — Спускаемся все. Вместе. Друг за другом. Никого не оставляем.

Он подошел к люку, взялся за лестницу. Перекрестился — быстро, украдкой, но Катя заметила.

— Держитесь близко, — сказал он. — Я первый. Илья за мной. Потом Лена. Катя, ты за Леной. Сергей замыкает. Не растягиваться. Если что — кричите.

Он перекинул ногу через край, нащупал первую скобу. Металл под ногой не скрипнул. Василий Петрович начал спускаться, и его голова медленно ушла под уровень земли.

Илья полез следом, не мешкая. Катя подтолкнула Лену: — Давай.

Лена стояла, глядя в черный проем, и не двигалась. Чернота сзади, казалось, дышала. Катя взяла ее за руку, повела к лестнице.

— Смотри на меня. Не вниз. На меня.

Лена перешагнула край, нашла скобу ногой. Руки дрожали. Катя держала ее, пока не убедилась, что сестра стоит на лестнице.

— Теперь я, — сказала Катя Сергею. — Иди за мной.

Она спустилась быстро, не глядя по сторонам. Сергей задержался наверху последним. Поднял фонарик, осветил в лес — луч утонул в черноте. Лес молчал.

Он перекинул ногу через край, нащупал лестницу. Металл под руками был холодный, сухой. Сергей начал спускаться, и над головой у него, с глухим стуком, захлопнулась крышка люка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.